К истории формирования населения Смоленского уезда в первой половине XVII века

В.С. Курмановский

События Смуты начала XVII в., как известно, привели к запустению многих областей Русского государства и значительным перемещениям населения, в первую очередь, его наиболее многочисленного слоя — крестьянства. Эти явления наглядно проявились в том числе в западных областях, отошедших по Деулинскому перемирию к Речи Посполитой, и в частности на Смоленских землях. В рамках «смоленских» земель в данном случае понимается преимущественно территория Смоленского уезда, а также соседних с ним Бельского, Рославского и Дорогобужского уездов, в Речи Посполитой вместе составлявших Смоленский повет, а позднее собственно Смоленское воеводство.

Если в настоящее время наблюдается определенный интерес как отечественных, так и польских исследователей к изучению смоленской шляхты в XVII в. (С.В. Думин, Д.П. Шпиленко, А. Рахуба, А. Харатым и др.), то податное население Смоленщины данного периода фактически не становилось объектом специального изучения. Населению другого русского региона, отошедшего к Речи Посполитой — Чернигово-Северских земель — в данный период отводится значительное внимание в монографии украинского исследователя П. Кулаковского[1].

Источниками для изучения податного населения Смоленской земли в первой половине XVII в. выступают кадастровые и переписные материалы. Важнейший из них относится к самому концу изучаемого периода. Это книга пятерогубого подымного сбора Смоленского воеводства 1650 г. (опубликована в 2009 г. А. Рахубой и С.В. Думиным)[2]. Кроме того, это фрагментарно сохранившиеся материалы ревизии 1619 г., зафиксировавшей состояние земель до начала раздачи их новым владельцам. Отдельные данные о состоянии смоленских земель и их заселении можно получить из королевских привилеев и ряда других документов, связанных с пожалованием и оборотом земельных владений, отложившихся преимущественно в фондах Литовской метрики и Поместного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Ретроспективно могут быть привлечены материалы второй половины XVII в. — переписные книги 1665, 1668 г. и 1677/78 гг., разборные книги смоленских мещан 1679 г. Обоснованность привлечения последних видится в подробности отраженной в них информации при отсутствии в этот период принципиальной смены населения, несмотря на очередное разорение региона в период войны 1654—1667 гг.

Смена населения затронула фактически все слои смоленского общества. Хорошо изучено формирование нового слоя землевладельцев — смоленской шляхты. Основную часть ее к середине XVII столетия составили представители шляхетских родов Короны Польской, присутствовали также представители прибалтийско-немецкого дворянства, около 7,7% (по подсчетам А. Рахубы и С.В. Думина)[3] составляли потомки московских землевладельцев, принявшие присягу Сигизмунду III (такие фамилии, как, например, Лопатины, Лыкошины, Потемкины, Пушкины, Тютчевы, Рыковы, и др.). Следует отметить, что среди литовской шляхты, получившей земли в Смоленском повете, видимо, не случайно оказался ряд потомков смоленских боярских родов, известных по актам Литовской метрики XV — начала XVI в. (Баки, Вяжевичи, Глебовичи, Ильиничи, Путять)[4]. После присоединения Смоленска к Речи Посполитой первоначально обсуждалась идея сохранения прав землевладельцев, бывших здесь до 1514 г., которая, возможно, в какой-то степени нашла свою

реализацию[5]. Практически полностью, надо полагать, сменилось торгово-ремесленное городское население Смоленска, известное по ряду списков конца XVI – начала XVII в. (крестоприводные книги 1597 г., ряд списков посадских людей и стрельцов из Шведского государственного архива). Сохранившиеся списки смоленских мещан послесмутного времени, такие, например, как список мещан, получивших земельные дачи, составленный в 1619 г.[6], и разборные списки смоленских мещан 1679 г.[7] демонстрируют преобладание лиц с прозвищами западнорусского или польского облика с католическими или общими для католиков, православных и униатов именами, иногда с указанием на белорусско-литовское происхождение (Marcin Luduk Wileńczyk, Iakub Wiłnowiec, Иван Мотвеев сын Менчюк), реже встречены люди с явными восточнославянскими именами и прозвищами (Chwiędor Aładcza, Siemion Demianowicz), присутствовали также явно идентифицируемые выходцы из Польши (Jan Sieradzanin, Трофим Мазовша), немцы (Edward Owembergier, Malcher z Kolna, Wilhelm Mord) и, вероятно, евреи (Dawid Żyd). Преимущественно белорусско-польский характер смоленского мещанства прослеживается и по материалам ландратской переписи 1719 г.[8]

Сложнее судить о формировании в этот период крестьянского населения Смоленщины. О состоянии сельских поселений в период непосредственно после Смуты могут свидетельствовать материалы ревизии 1619 г. двух юго-западных станов Смоленского уезда – Молоховского и Дубровенского, сохранившиеся в фонде Коллегии эдукационного фундуша РГАДА[9]. Кроме того, ряд подобных данных содержится в ранних привилеях на земельные пожалования шляхте и некоторых других документах. Все эти данные говорят о практически полном разорении смоленских земель – абсолютное большинство деревень и починков стояли пустыми, церкви и помещичьи дворы были большей частью сожжены. Так, из 267 деревень и починков Молоховского стана жители имелись лишь в 93 (34,8%), из 340 деревень и починков Дубровенского стана – в 52 (15,3%). В резизии зафиксировано также количество крестьян, живших в деревнях и починков «перед тем» (возможно, эти данные были почерпнуты из не дошедших до нас русских писцовых материалов). В Молоховском стане на 1619 г. насчитывалось 165 живущих крестьян-дворовладельцев, что составляло 21% из бывших «перед тем» (787), в Дубровенском – 103 из 1228 (8,4%) (в это же число включены «огородники», соответствующие «задворным» или «деловым людям» в русской терминологии). Большее запустение Дубровенского стана в сравнении с Молоховским может объясняться тем, что через него проходила важнейшая стратегическая дорога, связывавшая Смоленск с Дубровной и Оршей. Запустение территорий в значительной мере было обусловлено бегством крестьян в другие районы. Одним из этих направлений, по-видимому, были внутренние области Русского государства и Речи Посполитой. Кроме того, как ни странно, бывшие жители Смоленщины приняли довольно активное участие в колонизации отошедших к Речи Посполитой Чернигово-Северских земель, первоначально также вошедших в состав Смоленского воеводства. Так, по данным, введенным в научный оборот П. Кулаковским и А.С. Ракитиным (РГАДА), выходцы со Смоленщины стабильно присутствовали в составе полоняников, захваченных в городах Чернигово-Северщины во время Смоленской войны 1632–1634 гг.[10]

В то же время, в середине – второй половине XVII в., несмотря на прошедшие войны 1632–1634 и 1654–1667 гг., Смоленский уезд оказывается достаточно плотно заселенным. Вряд ли это вторичное заселение можно объяснить исключительно самовоспроизводством довольно немногочисленного оставшегося после Смуты населения. Очевидно, раздача земель шляхте сопровождалась их колонизацией. В книге подымного пятерогубого сбора 1650 г. фигурирует довольно многочисленная категория «слободчиков», т.е. недав-

них поселенцев, имевших определенные податные льготы. В русском переводе книги, сделанном в 1673 г., отмечается, что слободчиками назывались лица «не отжившие» на новом месте трех лет[11]. По данным книги, в земельных владениях урядников (чиновников) Смоленского воеводства число дворов слободчиков составляло 1194 из 10 367 (11%, считая за целое общее количество дворов «жилых», слободчиков и «огородников»). Среди земель прочих владельцев (кроме городов) это соотношение составляло 1101 из 5971 (18,4%). Общая доля дворов слободчиков в Смоленском воеводстве в составе четырех уездов, на 1650 г. составляла, таким образом, 14% (2295 из 16 338). Надо полагать, что слободчики на смоленских землях появились впервые в 1647 г. Таким образом, эти данные могут свидетельствовать о темпах колонизации Смоленщины.

К сожалению, данных о том, откуда происходила колонизация крестьянами смоленских земель, крайне мало. Логично предположить, что в основном колонизационный поток шел с территории Речи Посполитой. Единственный документ, содержащий прямую информацию по этому вопросу, удалось обнаружить в столбцах Поместного приказа по Смоленскому уезду. Это список с купчей 1645 г. шляхтича Данилы Легезы у калауза[12] замка Смоленского Григория Лядомского на 4 волоки на урочище Церковищи Киселевы на р. Ухине (Уфинье) в Дубровенском стане Смоленского уезда. Г. Лядомский подробно описал обстоятельства возникновения слободы и изменение положения поселенцев: «по експедицыи военной в року тысеча шестсот трыдцать пятого осели на слободе през лет осмь были, а потом чрез лет колко на окладе будучы, платить повинность великую полнили» и перечислил их поименно, указав места происхождения. Из четырех слобожан-дворовладельцев двое были «родом з Орщы», один «з Лукомли» и еще один — «з Лукомцызны»[13].

Следует отметить, что позднейшая переписная книга Данила Черницова 1668 г. иногда фиксирует среди крестьян и бобылей Дубровенского стана Смоленского уезда людей с явно католическими именами: так, в селе Буянове дворцовой Красненской волости отмечены бобыль Фомка Христопов[14], крестьянин Артюшка Кашпиров сын Земец[15]; в селе (бывшем местечке) Зверовичах проживали бобыли Христопко Андреев сын Коваль[16], Федька Кристофоров сын Пузырев[17]; Адамко Михайлов сын Рукля[18]; в деревне Дудове — крестьянин Купряшка Войтехов[19], в деревне Маркове — бобыль Войтешко Севрюков[20], в деревне Нейково — бобыль Адамко Григорьев сын Воронко[21], у крестьянина д. Литвиново Петрушки Иевлева сына Заоблоцкого имелся сын Казимерко[22] и т.п. Некоторые крестьяне имели прозвища, отражающие территориальное происхождение: так, в деревне Василевичи той же Красненской волости проживали крестьянин Левка Степанов сын Пенчюк[23] и бобыль Якушко Ларионов сын Пинчюков[24], в деревне Терехове — крестьянин Кирюшка Алексеев сын Шкловлянин[25], в деревне Яново — подсоседник бобыль Федька Могилевец[26], в селе (бывшем местечке) Жорновках — бобыль Стенка Васильев сын Менчюк[27]; в селе (бывшем местечке) Досугове Молоховского стана — мещанин Васька Григорьев сын Шкловченок[28], здесь же у мещанина Демидки Фомина проживал захребетник Ивашко Талачинец[29], а также мещанин Куземка Магилевец[30], в деревне Мочулово Максимовского стана — крестьянин Микитка Мстиславец[31]; в селе Духовщина Бойгородского стана — бобыль Никишка Дубровленин резник[32]. Некоторые «территориальные» прозвища связаны с внутренними районами Русского государства: например, в деревне Ковшичи Красненской волости проживал крестьянин Стенка Анисимов сын Можайской[33].

Некоторые другие отрывочные данные о поселенцах Смоленщины первой половины XVII в. также говорят об их происхождении из относительно соседних с ней белорусских земель. Так, в частности, бежавший в Москву в 1629 г. казак Рославского замка Никита Берников по происхождению был «белорусец из Копыси, сын мещанский»[34].

Смена населения Смоленщины в рассматриваемый период могла бы быть также прослежена по данным археологии. К сожалению, слои XVII в. в г. Смоленске в значительной степени нарушены, а сельская археология позднего Средневековья – раннего Нового времени в данном регионе находится на начальном этапе своего развития. В то же время опыт изучения коллекций керамики из городских раскопок в Смоленске в собраниях ГИМ и Смоленского объединенного музея-заповедника, а также проведенных автором археологических исследований поселений Глушица 1 и Глушица 2 в окрестностях д. Боровая Смоленского района, поздний период существования которых соответствует фольварку, а позднее местечку Глушице, существовавшему в 1620–1650-х гг. и являвшемуся центром одной из «маетностей» Александра, а позднее его сына Винцентия Корвин-Гонсевских, позволяет сделать предварительный вывод об отсутствии прямой преемственности в керамической традиции Смоленска и его окрестностей в XVII в. с периодом XV–XVI вв., характеризующимся в этом отношении определенным единством традиции производства бытовой посуды. Кроме того, ряд характерных форм бытовой посуды Глушицы находит близкие аналогии с керамикой белорусских городов, в частности, Витебска XVII–XVIII вв.

Таким образом, можно констатировать, что разорение смоленских земель в эпоху Смуты привело к существенной смене населения региона. При сохранении определенной, довольно небольшой части населения, обитавшей здесь до Смуты, повторное заселение смоленских земель осуществили преимущественно выходцы из соседних районов северной и восточной частей современной Белоруссии. Безусловно, эти новые поселенцы были достаточно близки по своим обычаям, языку и культуре к прежнему населению смоленских земель, принадлежа к единому древнему смоленско-полоцкому региону, возможно, среди них могли быть сами прежние жители Смоленщины, бежавшие оттуда во время Смуты. Тем не менее, население центральных и западных районов современной Смоленской области, сложившееся в XVII в., не имело прямой преемственности с населением, существовавшим здесь до Смутного времени.

Примечания

[1] *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої 1618–1648. Київ, 2006. С. 246–340.

[2] Metryka litewska: rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego: województwo smoleńskie 1650 r. / pod redakcją Andrzeja Rachuby; oprac. Stanisław Dumin i Andrzej Rachuba. Warszawa, 2009.

[3] Там же. Вступит. статья А. Рахубы. С. 39.

[4] *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. Прил. III. С. 268–287.

[5] Metryka ... Вступит. статья. С. 8.

[6] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1603. Оп. 8. Ед.хр. 19. Лл. 33 об.–35.

[7] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Смоленский уезд. Ед. хр. 15170. Лл. 525–561.

[8] РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. № 372.

[9] РГАДА. Ф. 1603. Оп. 8. Ед. хр. 19. Лл. 6–32.

[10] *Кулаковський П.* Ук. соч. Прил. 10. С. 437. *Ракитин А.С.* Роспись полоняников, взятых рылянами во время Северского похода 1632–1634 гг. // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сборник материалов межрегиональной научной конференции (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.). Рыльск, 2012. С. 43.

[11] РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 1. Л. 46 об.

[12] Калауз (тюркск. «проводник») – должность, примерно соответствующая должности вожа в Русском государстве.

[13] РГАДА. Ф. 1209. Стб/Смоленск. Ед.хр. 39065 ч. 2/17. Л. 40.

[14] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед.хр. 15154. Л. 26 об.
[15] Там же. Л. 28.
[16] Там же. Л. 45 об.
[17] Там же. Л. 46.
[18] Там же.
[19] Там же. Л. 65 об.
[20] Там же. Л. 71.
[21] Там же. Л. 87.
[22] Там же. Л. 98.
[23] Там же. Л. 67.
[24] Там же. Л. 67 об.
[25] Там же. Л. 78 об.
[26] Там же. Л. 98.
[27] Там же. Л. 104 об.
[28] Там же. Л. 118 об.
[29] Там же. Л. 125 об.
[30] Там же. Л. 129.
[31] Там же. Л. 142 об.
[32] Там же. Л. 250 об.
[33] Там же. Л. 80 об.
[34] Metryka... Вступит. статья. С. 15.